

Об одном литературном источнике пушкинской «Полтавы»

Все исследователи пушкинской «Полтавы» сходились на мнении, что «каждый стих, каждый образ, каждое выражение в исторической (а отчасти даже и в романической) линии поэмы Пушкина опирается на тот или иной документальный или исследовательский источник»¹. Отступление от истории Пушкин допустил одно: любовная история Мазепы и дочери Кочубея, исторической Матрены, относится к 1704 г. К моменту перехода Мазепы на сторону шведов она была уже далеко в прошлом. Матрена не была любовницей Мазепы в момент доноса Кочубея, не жила с ним в гетманском дворце и не присутствовала на исторической сцене в момент казни своего отца.

В западных исторических источниках этот эпизод из жизни знаменитого украинского гетмана вообще никак не отмечен. В европейской литературной традиции сюжет о Мазепе сформировался на основе нескольких строк, посвященных ему в «Истории Карла XII, короля Швеции» («Histoire de Charles XII, roi de Suède») Вольтера². Вольтер не уделил Мазепе большого внимания, остановившись достаточно подробно лишь на эпизоде из его юности: Мазепа, молодой паж польского короля Яна Казимира, был уличен одним вельможей в связи с его женой, привязан обнаженным к дикой лошади, после чего лошадь пущена на свободу. Эта

---

¹ Измайлов Н. В. Пушкин в работе над «Полтавой» // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 10.

² Впервые: Histoire de Charles XII, roi de Suède, par M. de V***. Bâle (Rouen), 1731 (двумя изд.). В последующих изданиях Вольтер вносил в текст добавления и уточнения. Книга приобрела свой окончательный вид в 7-м томе издания: Collection complète des Œuvres de M. de V. Genève (Cramer), 1768.

своего рода «предыстория» Мазепы, объясняющая его появление на Украине, послужила сюжетной основой романа А.-Г. Контана д'Орвиля (Contant d'Orville, 1730–1800)¹, а позднее — поэмы Байрона «Мазепа» («Mazeppa», 1818).

О любовной связи Мазепы с дочерью Кочубея упоминается только в исторических трудах И. И. Голикова и Д. Н. Бантыш-Каменского, имевших доступ к следственному делу Кочубея. Голиков пишет, что Кочубей написал свой донос, обиженный «прельщением дочери его Матроны»:

В архиве же Коллегии иностранных дел находится письмо Кочубееву к гетману Мазепе, в коем он горестно жалуется ему на учиненное сей дочери его бесчестие, нарекая, что он Мазепа виновник того. А другое от Мазепы к нему в ответ на то его письмо, в котором он насмехается печали его, и заключает тако: *а что взмекнуешь в том же своем пасквильном письме о яком то блуде, то я не знаю и недоразумею хибя сам блудишь*, и проч. Несносная поистине обида, тем больше, что сия дочь его призналась в учиненном ей от него Мазепы насилии.²

Ниже Голиков приводит один из ответов на следствии по делу Кочубея: «...он хотел, отвечали они, родную их дочь, а свою крестницу, взять за себя замуж; но когда де мы ему сказали, что жениться ему на крестной своей дочери нельзя, то он де после сего отказу зазвав ее к себе изнасиловал...»³. Историк упомянул также о существовании писем Мазепы к Матрене, которые, по-видимому, остались ему недоступны⁴. Бантыш-Каменский полностью напечатал цитируемые Голиковым письма Кочубея и Мазепы в Приложениях XVI и XVII к 3-й части своей «Истории Малой России»⁵, но сам любовный эпизод биографии Мазепы изложен им в одной фразе: «Кочубей с давних времен питал ненависть к Мазепе, который в 1704 году обольстил дочь его Матрену, смеялся над упреками обиженных родителей и, пользуясь своим могуществом, продолжал виновную связь с сею несчастною девицею». Эта скупая информация дополняется только

---

¹ Mémoires d'Azéma, contenant diverses anecdotes des règnes de Pierre le Grand, empereur de Russie, et de l'impératrice Catherine, son épouse, par M. C... D... Amsterdam, 1764. Vol. L–2. Роман Контана д'Орвиля, по-видимому, пользовался в свое время некоторой популярностью, он трижды издавался на русском языке под заглавием «Прекрасная россиянка» (СПб., 1784; М., 1790 и 1796; все издания без указания автора).

² Голиков И. И. Дополнения к Деяниям Петра Великого. М., 1795. Т. 15. С. 41.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 133.

⁵ [Бантыш-Каменский Д. Н.] История Малой России, со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. Ч. 3. С. 187–189.

подстрочным примечанием о сватовстве Мазепы: «Мазепа был крестный отец Матрены Кочубеевой, а племянник его Обидовский женат на родной ее сестре. Он старался сначала получить руку своей возлюбленной, но благочестивые родители ее с ужасом отклонили сие предложение»¹.

Помещенные Бантышом-Каменским в Приложении XVIII любовные письма Мазепы по неизвестным (видимо, цензурным) причинам были вырезаны из уже отпечатанного тиража книги и увидели свет только во втором издании 1830 г. Вопрос, насколько широко могли быть известны письма Мазепы, изъятые из книги Бантыша-Каменского, заслуживает особого рассмотрения. Все письма написаны после неудачного похищения (или бегства) Матрены Кочубей из родительского дома, когда гетман уже был вынужден вернуть свою возлюбленную родителям, и дают богатый психологический материал для характеристики отношений Матрены и Мазепы, свидетельствуя о сильном и продолжительном взаимном чувстве. Из них, в частности, узнаем о похищении (или бегстве) Матрены Кочубей. Известно два экземпляра «Истории...», где Приложение XVIII сохранилось. Один из них был подарен автором московскому библиофилу и издателю П. П. Бекетову, другой в октябре 1823 г. передан в библиотеку московского Общества истории и древностей российских². Возможно, подобных экземпляров было несколько, во всяком случае, каким-то пользовался М. А. Максимович, сославшийся на письма Мазепы в своей статье «О поэме Пушкина “Полтава” в историческом отношении», напечатанной в 1829 г. в журнале «Атеней». Прочитав два письма (в русском переводе), Максимович замечает: «Самому вымыслить такую чудную любовь было бы несколько смело; но, нашедши в истории, Пушкин должен был воспользоваться ею»³. Н. В. Измайлов почти утвердительно пишет о знакомстве Пушкина к моменту работы над «Полтавой» с письмами Мазепы⁴, однако никаких фактических подтверждений этому знакомству не находится. Можно предполагать, что, зная о любовных письмах Мазепы, Пушкин упомянул бы о них в примечаниях к поэме.

Голиков и Бантыш-Каменский относят эпизод с Матреной к предыстории измены Мазепы. Для преобразования исторического материала в литературный сюжет требовался хронологический сдвиг, собственно и осуществленный Пушкиным. Однако немногим ранее точно та же трансформация исторического материала была сделана второстепенным петербургским литератором Е. В. Аладыным в повести «Кочубей», напечатанной в «Невском альманахе» на 1828 г.

¹ [Бантыш-Каменский Д. Н.] История Малой России... С. 89–90.

² См.: Сводный каталог русской книги. 1801–1825. М., 2001. Т. 1: А–Д. С. 92.

³ Атеней. 1829. Ч. 2, № 11. С. 512; Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб., 2001. С. 187.

⁴ См.: Измайлов Н. В. Пушкин в работе над «Полтавой». С. 30–32.

По мнению Н. В. Измайлова, повесть Аладьина послужила лишь своего рода катализатором в работе Пушкина над «Полтавой»: «Появление претенциозной и бездарной повести “альманашика” на тот же, задуманный им сюжет не могло не вызвать у него чувства досады, но, быть может, явилось и толчком для скорейшего осуществления своего замысла»¹. Но близость основной сюжетной линии пушкинской поэмы к повести Аладьина не может быть объяснена, как это делает Измайлов, только общностью источника — «Историей» Бантыша-Каменского. Пушкин следует Аладьину в отдельных деталях и тех сюжетных ходах, которые явились плодом фантазии беллетриста. Даже героиню он называет так же, как у Аладьина, — Марией — вместо исторической Матрены. Сюжетная близость двух произведений подчеркнута и прямыми реминисценциями в «Полтаве» из повести Аладьина:

И, вся полна негодованьем,
К ней мать идет и, с содроганьем
Схватив ей руку, говорит:
«Бесстыдный! старец нечестивый!
Возможно ль?.. нет, пока мы живы,
Нет! он греха не совершит.
Он, должный быть отцом и другом
Невинной крестницы своей...
Безумец! на закате дней
Он вздумал быть ее супругом».
Мария вздрогнула. Лицо
Покрыла бледность гробовая,
И, охладев как неживая,
Упала дева на крыльцо.

(Песнь первая, ст. 61–74; V, 21)

И вскоре слуха Коч<убей>
Достигла роковая весть:
Она забыла стыд <и> честь,
Она наложница злодея!

(Песнь первая, ст. 99–102, черновой автограф; РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 838, л. 39; V, 193)

— Нечестивец! — вскричал, наконец, судья грозным голосом, — он требует руки нашей дочери, руки своей дочери!.. <...>

— С ужасом ахнула добрая Любовь при этой вести, — и несчастная Мария, без чувств, упала в руки матери.²

Кочубей опустил голову на плечо
супруги и глухим шепотом произнес:
«она — наложница Мазепы!..»³

¹ Там же. С. 121.

² Аладьин Е. В. Кочубей. (Историческая повесть) // Невский альманах на 1828 год, издаваемый Е. Аладьиным. СПб., [1828]. С. 242.

³ Там же. С. 264.

Богат и знатен Кочубей.
Довольно у него друзей.
Свою омыть он может славу.
Он может возмутить Полтаву;
Внезапно среди его дворца
Он может мщением отца
Постигнуть гордого злодея;
Он может верною рукой
Вонзить... но замысел иной
Волнует сердце Кочубея.
(Песнь первая, ст. 128–137; V, 22–23)

Но предприимчивую злобу
Он крепко в сердце затаил.
«В бессильной горести, ко гробу
Теперь он мысли устремил.
Он зла Мазепе не желает;
Всему виновна дочь одна.
Но он и дочери прощает:
Пусть богу даст ответ она,
Покрыв семью свою позором,
Забыв и небо и закон...»
(Песнь первая, ст. 284–293; V, 27)

«Нет, хищник!.. нет, не богатства
твоего, но твоей крови за честь мою
пришел я требовать!» Иступленный
мститель схватился за рукоять тяжелой
сабли — и, как стрела молнии,
сверкнула она над главою обомлевшего
злодея.¹

Прошло несколько дней — и верные
друзи Кочубея снова собрались под
сень его мирного жилища; быстро при-
мчался назад Искра с роковым отве-
том: «Гетман не отдаст ее!» вскричал
он — и все вскочили, затрепетали...
«Гибель, гибель развратителю наших
чад!» — кричали они, прочитав письмо
Мазепы, и звонкие сабли скрестились
символом священной клятвы. — Один
Кочубей молчал, но в душе его зрели
новые думы, новые чувства...²

Так, милые друзья, — говаривал он
гостям своим, — так, уже гаснут мои
взоры; не сердце, но свинец, облитый
ядом, дрожит в груди моей!.. <...> Нет,
<...> я не отниму у Бога власти испы-
тывать бессильных и карать утесните-
лей; — никогда, никогда не обагрю рук
моих в крови изверга — но человека!
<...> с какими глазами покажусь я им-
ператору?.. на кого стану требовать
суда? что скажу ему?.. разве то, что
дочь моя добровольно бежала с обо-
льстителем? Разве то, что она в один
день забыла мои семнадцатилетние
о ней попечения, мои наставления
о чести и вере!..³

¹ Аладьин Е. В. Кочубей. С. 261.

² Там же. С. 268–269.

³ Там же. С. 265–266.

И вспомнил он свою Полтаву,
Обычный круг семьи, друзей,
Минувших дней богатство, славу,
И песни дочери своей,
И старый дом, где он родился,
Где знал и труд и мирный сон,
И все, чем в жизни наслаждался,
Что добровольно бросил он...
(Песнь вторая, ст. 152–159; V, 39–40)

Простись, несчастный Кочубей,
простись с милою Любовью! Поблаго-
дари ее за все райские дни, которыми
ты наслаждался в этом мире; благосло-
ви твоих детей, приложись к роди-
тельским иконам, скорее наглядись на
красоту родины, на высокий дом твой,
где весело протекли игры младенче-
ства, мечты юности, где ты пировал
с избранными друзьями!..¹

«Хотя он и подшучивает над Аладьиным, однако же, кажется, читая “Полтаву”, будто он повесть Аладьиного только в стихи переложил», — сообщал свои впечатления о пушкинской поэме один из его современников². Такое демонстративное использование Пушкиным «чужого» текста наводит на размышления.

* * *

Осенью 1830 г. в Болдине в заметках о поэме «Полтава» (вошедших в «Опровержение на критики»), Пушкин писал:

Прочитав в первый раз в “Войнаровском” сии стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь

я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства.
(XI, 160)

В окончательном тексте поэмы К. Ф. Рылеева «Войнаровский», вышедшей в свет в 1825 г., действительно, не нашлось места истории дочери Кочубея (эта тема первоначально была развита Рылеевым более полно, но соответствующие фрагменты не вошли в окончательный текст поэмы, и два цитируемых Пушкиным стиха, как отмечал Ю. Г. Оксман, в некотором роде остались без какого-либо объяснения³). Тем не менее именно Рылееву принадлежит литературный сюжет, по-разному интерпретиру-

¹ Там же. С. 281.

² Письмо В. Д. Комовского, брата лицейского товарища Пушкина к А. М. Языкову (Исторический вестник. 1883. № 12. С. 529).

³ См.: Оксман Ю. Г. Новые тексты поэмы «Войнаровский» // Литературное наследство. М., 1954. Т. 59, кн. 1. С. 52.

ванный Пушкиным и Аладыным в 1827–1828 гг. Рылеев первым совместил любовную и, так сказать, «политическую» линии и вывел Матрену Кочубей на историческую сцену в момент казни отца.

Созданию «Войнаровского» предшествовал замысел трагедии «Мазепа». В бумагах Рылеева сохранились перечень действующих лиц, отдельные характеристики персонажей и несколько планов трагедии. Любовный сюжет здесь переплетен с политической интригой, а одним из основных движущих действие мотивов является месть. В пространном списке действующих лиц, взятых в большинстве из «Истории Малой России», Кочубей охарактеризован кратко — как «мстительный человек», Матрена — как «любовница Мазепы» и «пылкая девушка», Мазепа — как «угрюмый семидесятилетний старец», «человек властолюбивый и хитрый; великий лицемер, скрывающий свои злые намерения под желанием блага к родине»¹. Отдельно Рылеев записал более подробное рассуждение о характере Мазепы:

Для Мазепы, кажется, ничего не было священным, кроме цели, к которой стремился: ни уважение, оказываемое ему Петром, ни самые благодеяния, излитые на него сим великим монархом, ничто не могло отвратить его от измены. Хитрость в высочайшей степени, даже самое коварство почитал он средствами, дозволенными на пути к оной.²

Наиболее полный, основной, план трагедии состоит из пролога и девяти сцен:

Пролог. Пиршество в Москве у Петра. Спор его с Мазепой. Мазепа получил оплеуху.

I. Сцена. Мазепа ожидает Зеленского. Приход его, тайная их беседа.

II. Сцена. Пиршество у Мазепы. Он старается напоить полковников и выведать их мысли; он намекает о своем намерении отложиться от москалей; Кочубей не может скрыть своей радости. Мазепа примечает ее.

III. Сцена. Кочубей открывается Искре о намерении своем донести на Мазепу и тем отомстить ему. Они наконец соглашаются.

IV. Сцена. Кочубей с женою ожидают кого-то. Стук у дверей. Входит поп Святайло; сцена с ним. Проклятие дочери.

V. Сцена. Мазепа приводит в движение пружины свои. Беседа его с Войнаровским.

VI. Сцена. Собрание у Кочубея врагов Мазепы; он отправляется в Москву. Мазепа при конце своего намерения вдруг узнает от дочери Кочубея, что существует против его заговор. Известие подтверждается неизвестным. Смятение.

---

¹ Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л., 1971. С. 322–323 (Б-ка поэта; Большая сер.).

² Там же. С. 323.

VII. Суд над Кочубеем и Искрою. Сцена дочери с отцом. Просьбы ее к Мазепе пощадить отца. Казнь их.

VIII. Взятие Батурина. Лагерь под Полтавой.

IX. Мазепа в Бендерах. Смерть его. Разговор запорожцев и сердюков.¹

План в общих чертах опирается на изложение событий в «Истории Малой России» Бантыш-Каменского. Но свидание дочери с отцом перед казнью Кочубея и просьбы ее к Мазепе пощадить отца в пункте VII — эпизод, полностью вымышленный Рылеевым. Эти сцены, связанные с линией Матрены Кочубей, подробнее были разработаны Рылеевым во втором плане более частного характера, написанном на обороте листа с первым планом и явившемся своего рода результатом его изменения и переработки:

I. Матрена Кочубеева в темнице у отца, она пришла освободить его. Тот прокликает ее. Казнь.

1. Разговор запорожцев.

2. Сцена ее с Мазепой. Она теряется рассудком>.

3. Кочубеева при эшафоте или при могиле отца. Мазепа проходит. Она в помешательстве ума принимает эшафот за алтарь; и просит Мазепу обвенчаться. Смятение Мазепы. Она пляшет вокруг эшафота и поет. Ее схватывают. Лагерь Мазепы. Разговор Мазепы и Войнаровского. Он получает известие, что Кочубеева скрылась. Выступление. Песни. Начинается буря; Днепр волнуется. Молния сверкает часто, и гремит гром, на возвышении появляется Кочубеева. Монолог. Она бросается в Днепр. Слепец-бандурист поет песню Мазепы.²

И повесть Аладьина, и поэма Пушкина кроме общего следования сюжету обнаруживают очевидные точки соприкосновения с рылеевскими планами. Аладьин сосредоточил внимание на пункте VII первого плана, сделав именно его кульминационным эпизодом своей повести. Линия Мазепы и Марии в поэме Пушкина развивается в соответствии с вторым планом. В «Полтаве» появляются мотив безумия Марии, сюжетные эпизоды бегства Марии от Мазепы, встречи Мазепы с безумной Марией и сцена при «эшафоте или могиле отца».

В белом автографе, служившем наборной рукописью поэмы, фрагмент, соответствующий ст. 390–393 третьей песни, читался:

¹ К. Ф. Рылеев. План драматического произведения о Мазепе // *Летописи Гос. литературного музея* / Ред. В. Д. Бонч-Бруевича. М., 1938. Кн. 3: Декабристы / Ред. Н. П. Чулков. С. 282–283; *Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений*. С. 324.

² К. Ф. Рылеев. План драматического произведения о Мазепе. С. 282–283; *Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений*. С. 325.

Ей Богу, говорит она,
Старуха лжет; седой проказник
Там в башне спрятался. Пойдем
Не будем горевать о нем.
Пойдем — какой сегодня праздник
Народ бежит, народ поет
Пойду за ними; я на воле
Меня никто не стережет
Алтарь готов в веселом поле
Не кровь... о нет! вино течет.
Сегодня праздник. Разрешили.
Жених не крестный мой отец
Отец и мать меня простили
Идет невеста под венец!..
Но вдруг потупя взор безумный
Виденья страшного полна,
Однако ж, говорит она,
Я помню праздник этот шумный...
На праздник мать меня вела
Я помню мертвые тела...

(РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 839, л. 42 об. — 43; V, 333–334)

Рукой П. А. Плетнева, в отсутствие Пушкина в Петербурге наблюдавшего за печатанием «Полтавы», первые шестнадцать стихов фрагмента вычеркнуты и против них на полях рукописи сделана помета: «Не набирать этого». Также рукой Плетнева (несомненно, лишь транслировавшего здесь пушкинское решение) внесены исправления в оставшиеся четыре стиха, в результате чего текст приобрел следующий вид:

Однако ж, — говорит она, —
Я помню поле... праздник шумный...
И чернь... и мертвые тела...
На праздник мать меня вела...

(V, 62)

Нам неизвестна история цензурирования «Полтавы», но можно с уверенностью утверждать, что эта правка была вызвана цензурным требованием исключить из текста отождествление эшафота и казни с алтарем и церковной службой¹. Таким образом, поэма лишилась эпизода, наиболее близко демон-

¹ Рукопись, поданная Пушкиным на высочайшую цензуру, до нас не дошла. Вполне вероятно, Пушкину были сообщены только замечания о подлежащих правке местах, сама же рукопись к поэту не возвращалась и поэтому печатание шло по беловому автографу из рабочей тетради Пушкина (случай исключительный). Мнение о цензурном характере правки было впервые осторожно высказано Н. В. Измайловым (см.: *Измайлов Н. В. Пушкин в работе над «Полтавой»*. С. 86). Характер изменений, делавшихся Плет-

стрировавшего заимствование из рылеевского плана. Однако другая, менее явная, отсылка к неосуществленной трагедии Рылеева осталась. Рылеевский «Мазепа» должен был кончатся сценой, где слепец-бандурист поет песню гетмана. Первоначально пушкинская поэма завершалась стихами:

Но гетман уж не спит давно.
Тоска, тоска его снедает;
В груди дыханье стеснено.
И молча он коня седлает,
И скачет с беглым королем,
И страшно взор его сверкает,
С родным прощаясь рубежом.

(V, 63)

Знаменитый эпилог «Прошло сто лет — и что ж осталось...» был написан позднее, возможно, уже при подготовке текста к печати. И завершил свою поэму Пушкин стихами:

...Лишь порою
Слепой украинский певец,
Когда в селе перед народом
Он песни гетмана бренчит,
О грешной деве мимоходом
Казачкам юным говорит.

(V, 64)

На сходство сюжетной линии «Полтавы» с планами «Мазепы» указал Г. М. Ленобль, однако данное им объяснение («Мазепа» задуман после «Войнаровского» под влиянием пушкинских замечаний на поэму, в которых упускались упущенные Рылеевым художественные возможности) представляется совершенно невероятным¹. Другими исследователями «Полтава» не рассматривалась в связи с трагедией Рылеева, поскольку считалось, что никакой возможности познакомиться с бумагами казненного Рылеева у Пушкина не было. Однако к 1827–1828 гг. далеко не все рукописи Рылеева, изъятые при его аресте, оставались в архиве Следственной комиссии. Планы трагедии «Мазепа» дошли до наших дней в составе архива А. А. Ивановского, петербургского чиновника, не чуждого литературе и знакомого с боль-

---

невым уже в ходе печатания, не позволяет, однако, согласиться с мнением исследователя, что мы имеем здесь дело с предварительной автоцензурой. Такого же рода несомненная цензурная замена (также рукой Плетнева) сделана еще в одном месте рукописи: в сцене полтавского боя стихи: «Среди волнения и тревоги / Вожди спокойные, как боги, / Очами ясными глядят» заменены на: «Среди тревоги и волнения / На битву взором вдохновенья / Вожди спокойные глядят» (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 839, л. 38 об.; V, 333, 58).

¹ См.: Ленобль Г. М. У истоков «Полтавы» // Ленобль Г. М. История и литература: Сб. статей. М., 1960. С. 305–312.

шинством столичных литераторов. В 1825 г. Ивановский был назначен секретарем Следственной комиссии по делу декабристов. По окончании следствия он изъял из дел Комиссии и сохранил у себя часть бумаг К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева. Приобретение свое Ивановский не афишировал, но и не слишком таил. По нескольким свидетельствам современников, в 1827 г. Ивановский демонстрировал в дружеском окружении имеющиеся у него рукописи¹. Одно из стихотворений Рылеева он даже анонимно напечатал в изданном им альманахе «Альбом северных муз» на 1828 г., в котором, кстати, участвовал и Пушкин, познакомившийся с Ивановским летом 1827 г. Есть все основания считать, что планы ненаписанной трагедии Рылеева «Мазепа» были знакомы и Аладину, и Пушкину и явились ближайшим сюжетным источником как повести «Кочубей», так и поэмы «Полтава».

Познакомившись с планами «Мазепы», Пушкин не мог не оценить трагический потенциал придуманного Рылеевым, но недооцененного им самим и нереализованного сюжета, также как не мог не увидеть заимствование этого сюжета Аладиным, который тоже не понял его глубины и интерпретировал в сентиментально-романическом ключе. В «Полтаве» Пушкин дал свой вариант развития этого сюжета. Первоначально новая пушкинская поэма называлась «Мазепа». Только под этим заглавием она упоминалась в переписке современников до своего выхода в свет². Можно полагать, что, меняя в последний момент заглавие, Пушкин думал не только о байроновском³, но и о рылеевском «Мазепе». 13 октября А. Н. Вульф записал в своем дневнике: «...был у Пушкина, который мне читал почти уже конченную свою поэму. Она будет в 3 песнях и под названием “Полтавы”, потому что ни “Кочубем”, ни “Мазепой” ее назвать нельзя по частным причинам»⁴.

© Ларионова Е. О., 2017

---

¹ См.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 389 (статья Т. Ф. Нешумовой); также: Вацуро В. Э. Чиновник следственной комиссии // Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. 2-е изд. М., 1986. С. 9–21.

² Свод свидетельств см.: Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 391–392.

³ Мнение, что смена заглавия была вызвана нежеланием Пушкина «входить в соиздание» с Байроном, было высказано в критической статье Н. И. Надеждина о «Полтаве» (см.: Вестник Европы. 1829. Ч. 165, № 9. С. 17–18; Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 162). В опубликованном в альманахе «Денница» возражении критикам «Полтавы» (единственном появившемся в печати отрывке из болдинских заметок «<Опровержение на критики>») Пушкин отверг возможность сопоставления своей поэмы с байроновской: «Байрон знал Мазепу только по Вольтеровой Истории Карла XII. Он поражен был только картиной человека, привязанного к дикой лошади и несущегося по степям. Картина, конечно, поэтическая, и зато посмотрите, что он из нее сделал. <...> Если ж бы ему под перо попала история обольщенной дочери и казненного отца, то, вероятно, никто бы не осмелился после него коснуться сего ужасного предмета» (Денница, альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем. М., 1831. С. 129–130; XI, 165).

⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 417.

Пушкин и другие (двадцать лет спустя)

Сборник статей к 80-летию
Сергея Александровича Фомичева

П А Л Ь М И Р А

Санкт-Петербург

2 0 1 7

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)
П91

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Составители С. В. Денисенко и Н. Л. Дмитриева
Научные редакторы М. Н. Виролайнен и С. Б. Федотова

Вic: DSB
Bisac: LIT004240

Pushkin and the Others (Twenty Years After): Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev

Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev contains articles of Fomichev's successors including his former postgraduates, members of the Pushkinsky Seminar he held with V. E. Vatsuro, Pushkin Studies Department staff educated and developed under the guidance of Mr. Fomichev and just junior associates constantly consulted with him.

П91 **Пушкин** и другие (двадцать лет спустя): сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева / сост. С. Денисенко, Н. Дмитриева. — СПб. : ООО «Издательство «Пальмира» ; М. : ООО «Книга по Требованию», 2017. — 471 с. — (Серия «Lyceum»).

ISBN 978-5-521-00671-7

В сборник статей, посвященный 80-летию Сергея Александровича Фомичева, вошли статьи его коллег и исследователей, считающих себя учениками Сергея Александровича. Среди них его бывшие аспиранты, участники Пушкинского семинара, который он вел несколько лет вместе с В. Э. Вацуру, сотрудники Отдела пушкиноведения, выросшие и сформировавшиеся под его руководством, просто младшие коллеги, постоянно пользовавшиеся его советами и консультациями.

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)

© Денисенко С. В., Дмитриева Н. М.,
составление, 2017

© Оформление.
ООО «Издательство «Пальмира»,
АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

ISBN 978-5-521-00671-7